

к Чехову и неприятие романтической концепции личности парадоксально сливаются. И хотя в стихотворении «Поэзия», открывающем «Тихие песни», «мутным далям» действительности противопоставлено «безумное чаянье святынь», конфликт между тем и другим был романтическим лишь по внешности.

Соблазн читать лирику Анненского романтически, впрочем, возник уже у его современников, пытавшихся видеть в ней поэтизацию «мечты», отрицающей скуку и обыденность наличной действительности. Но именно там, где мечта и действительность сталкивались в его стихах более чем очевидно, хорошо виден неромантический характер «Тихих песен»:

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какая победа мечты!..
Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я!

Метафора «бреда цветы» содержит мучительно двойной смысл, в ней, как в клеточке органического целого, содержится структурный отпечаток общего — творческой позиции Анненского.

Цветы у Анненского — чаще всего символ непрочной и хрупкой красоты (Вс. Рождественский вспоминал, что в его директорском кабинете «всегда стояли цветы в бокалах» [9]). В контексте этого стихотворения цветы, рассыпающиеся «на бессонном ложе», — красота торжествующей мечты, освобожденной от «уз бытия». Это — отвага и победа воображения. В статье «Белый экстаз» Анненский напишет, что «в основе искусства (...) лежит обоготворение невозможности и бессмыслицы» [3, с. 145]. Но мечта не случайно названа здесь *бредом*. Логика воображения насколько же оспаривает законы реальности, насколько реальность оттеняет его иллюзорный смысл. Бред, столь желанный лирическому «я», не перестает быть именно бредом, и иллюзорность обретенной было волшебной свободы вскоре не замедливает себя обнаружить:

За розовой раной тумана
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана
И сдавшейся мысли позор.

В лирической коллизии «Тихих песен» безумие и трезвость непримиримы и неустранимы. Но самое главное, что само по себе это безумие оказывается творчески бесплодным, оно не может разрешиться *строим*. Тайны, хранимые в глубине души и вырвавшиеся на свободу ночного воображения, *рассыпаются* «звездами», *сгорают* огнем «мучительной страсти», т. е. не обретают формы, не воплощаются. И в итоге трезвое, дневное сознание удерживается лирическим героем Анненского как величайшая *ценность*. В «Фамирекифарде» будет не случайно сказано:

Благословенны боги, что хранят
Сознание нам и в муках...

Трезвость — то самое качество, которое оказывается у лирического героя Анненского не только основным, но и спасительным, предохраняющим от искушений и соблазнов, окружающих его. И может быть, более всего свидетельствует об этом стихотворение «Трактир жизни», в котором очень близкая Анненскому пушкинская тема «телеги жизни» приобретала специфические очертания: